

Обсуждение учебника Н. А. Машкина «История древнего Рима»

7 октября 1950 г. на объединенном заседании Сектора древней истории АН СССР и Кафедры древней истории Московского государственного университета происходило обсуждение учебника проф. Н. А. Машкина.

Председатель собрания проф. В. Н. Дьяков, открывая собрание, указал, что повестка дня заседания была составлена еще покойным руководителем Сектора и Кафедры Н. А. Машкиным и что покойный сам неоднократно выражал желание, чтобы один из его капитальных трудов — руководство по истории Рима — был обсужден именно на таком объединенном широком собрании. В. Н. Дьяков предложил всем присутствующим почтить память так неожиданно погибшего Николая Александровича вставанием. Затем он информировал присутствующих о мероприятиях, намеченных Сектором древней истории для того, чтобы в дальнейшем почтить память Николая Александровича. Сектор планирует подготовить большое расширенное заседание, на котором была бы представлена вся научная историческая общественность Москвы. Кроме того, имеется в виду издать сборник научных статей Николая Александровича, а также сборник работ, посвященный его памяти.

Напомнив собравшимся о желании Николая Александровича, чтобы его учебник по истории Рима был всесторонне обсужден и подвергнут самому справедливому, объективному анализу, председатель предоставил слово О. И. Севастьяновой, которой Кафедра древней истории МГУ поручила сделать доклад об учебнике Н. А. Машкина.

Докладчик обстоятельно отмечает все те дополнения и исправления, которые автор внес в новое издание своего хорошего учебника, подчеркивает исключительно внимательное и добросовестное отношение Н. А. Машкина к отдельным критическим замечаниям рецензентов предыдущего издания его книги, указывает на немногочисленные недочеты учебника и в заключение дает критический разбор неквалифицированной рецензии М. Н. Перегудова, помещенной в «Вестнике высшей школы»¹.

В прениях по докладу выступали А. Г. Бокшанин, К. К. Зельин, А. К. Бергер, П. Н. Тарков, Ю. С. Крушкюл, С. Л. Утченко, О. В. Кудрявцев и В. Н. Дьяков.

А. Г. Бокшанин, который является редактором обсуждаемого учебника, поделился с присутствующими воспоминаниями о совместной работе с автором книги. Он отметил, что Николай Александрович подошел к своей работе над вторым изданием, как указывала О. И. Севастьянова, в высшей степени внимательно и добросовестно. Автор считал, что всякая книга должна создаваться с учетом требований времени, общих принципиальных установок, общих задач, которые возникают перед всей научной общественностью. Именно с этой точки зрения Николай Александрович и проделал очень большую работу над разделами, посвященными источниковедению и особенно историографии.

Первое издание готовилось в течение длительного времени и издавалось очень долго. Оно в основном было написано в годы войны в совершенно иных политических условиях, чем во время подготовки второго издания. Может быть, этим обстоятельством и объяснялась недостаточно острая характеристика буржуазной историографии, в частности, англо-саксонской. Когда в последующие годы появился целый ряд трудов, где римская экспансия получила своеобразное апологетическое освещение в интересах американского империализма, Николай Александрович счел пугливым значительно заострить критику буржуазной историографии.

¹ Доклад О. И. Севастьяновой публикуется в качестве рецензии на учебник Н. А. Машкина в настоящем номере ВДИ, см. стр. 159—165.

С другой стороны, наш советский студент должен был получить гораздо более четкое и ясное представление о значении наследия русской науки для советской исторической ответственности. И, наконец, некоторые товарищи, которые были с нами в 1947 г., уже отсутствовали, когда появилось второе издание книги; в частности, не стало А. В. Мипулина. Поэтому необходимо было подвести некоторые итоги их деятельности и показать огромные успехи и достижения, которых наша советская наука добилась за эти годы. Все это автор старался учесть в своей работе над вторым изданием. Николай Александрович очень внимательно и чутко реагировал на целый ряд вопросов, которые были поставлены перед советской историографией античности самой жизнью. Второе издание появилось тогда, когда замечательное письмо товарища Сталина полковнику Разину было опубликовано в печати. Вполне естественно, что потребовалось внести дополнительный материал в изложение римско-парфянской войны 54—53 гг. для того, чтобы читатель мог понять, что именно имел в виду товарищ Сталин, когда он писал о контрнаступлении парфян против армии Красса.

Николай Александрович, работая над материалом, вовсе не стремился всегда и во всем механически выполнять указания рецензентов. Мнения рецензентов, в высшей степени ценные и важные, в некоторых вопросах все же могли быть субъективными. В частности, вопрос о культуре поздней империи, повидимому, не был вполне ясен методически для самого Николая Александровича. Учебник получался и без того очень большой. Как старый опытный педагог, автор стремился расширять его очень и очень умеренно, поступаясь тем, чем можно было поступиться. В данных условиях он считал возможным поступиться именно поздней империей, где главное было подчеркнуть и сказано, а основные линии отмечены чрезвычайно выпукло. К тому же все эти вопросы затрагиваются в той или иной степени и в учебниках по истории средних веков. Таким образом, он считал возможным оставить без значительного расширения эту часть работы, сосредоточив внимание как раз на тех проблемах, которые до этого никак не были разработаны как следует.

Можно с полной уверенностью сказать, что в книге Николая Александровича за все время существования русской романистики вопросы источниковедения и историографии впервые изложены с достаточной четкостью и полнотой. До этого не только в советской, но и вообще в русской романистике за все столетия ее существования ничего подобного не было. В этом отношении покойному автору учебника принадлежит значительная заслуга.

В дальнейшей работе над книгой нужно будет выполнить справедливое пожелание докладчика и устранить отмеченные недочеты в последующих изданиях, так как этот учебник по истории Рима должен быть и, несомненно, будет издан еще не раз. Долг друзей и товарищей покойного — сделать то, что он сам так добросовестно выполнил в отношении книги своего старшего друга и товарища В. С. Сергеева, доработав, уточнив и подготовив к новому изданию его книгу, вложив в нее столь же много труда, как и в свой собственный учебник.

К. К. Зельин, отметив, что О. И. Севастьянова дала очень основательный сравнительный разбор нового издания учебника, считал возможным добавить только некоторые общие замечания. Он указывает на основные особенности работы покойного над вторым изданием его книги.

Учебник Н. А. Машкина подводит итоги тому, что сделано в современной науке по истории древнего Рима. Очень важно также подчеркнуть, что учебник и во втором издании стоит на вполне современном методологическом уровне. Обсуждаемая книга характерна тем, — это отмечалось уже при обсуждении первого издания, — что очень часто материал, не в пример обычному изложению, дается не в догматическом порядке. Автор постоянно ссылается на определенные работы, анализирует их, предоставляя читателю возможность самостоятельно разобраться в той или иной проблеме. Важно также отметить и тот особый интерес к социальной истории, которым пронизана эта книга. Все эти основные моменты еще ярче и больше сказываются во втором издании. «Поэтому, — говорил К. К. Зельин, — удивительно не то, что ряд указаний рецензентов остался не выполненным, — притом ведь указания эти могли носить субъектив-

ный характер, — удивительно то, как много Николай Александрович сделал за тот короткий промежуток времени, который отделяет оба издания». В частности, очень важны, конечно, первые главы; и не только глава по историографии, но не в меньшей степени и глава об источниках. Уже в первом издании Николай Александрович дал обзор состояния древнейшей римской традиции. Во втором издании это сделано с гораздо большей обстоятельностью. Теперь эта глава не только дает богатый фактический материал, но и выражает собой определенное понимание развития древней римской традиции. Здесь нельзя останавливаться на деталях, хотя было бы очень интересно проследить даже в мелочах, как уточняются и конкретизируются отдельные общие утверждения, например, характеристика младших анналистов. Во втором издании учебник несомненно отличается еще большими достоинствами и будет давать учащимся больший и лучший материал, чем в первом.

К. К. Зельин обращает внимание на вопрос, который затронула в своем докладе О. И. Севастьянова. Вопрос этот — речь идет о патрициях и плебеях — касается самого существа античного общества. Здесь можно привести аналогию из истории Греции. Если стать на точку зрения, высказанную М. П. Перегудовым, то легко прийти к тому выводу, что в Афинах правила кучка рабовладельцев, которая была заинтересована в тех или других военных выгодах, а что демос афинский тут не при чем. В Риме примерно так же характеризовались в упомянутой рецензии отношения патрициев и плебеев. Но сущность наших воззрений заключается в том, что, несмотря на те или иные противоречия внутри основных рабовладельческих классов, по целому ряду вопросов их интересы сходились, и в грабительских войнах древности была заинтересована совсем не небольшая кучка рабовладельцев, а гораздо более широкие круги населения — класс рабовладельцев в целом. К. К. Зельин в этом отношении вполне присоединился к тем замечаниям, которые сделала О. И. Севастьянова.

В споре по вопросу относительно Восточной Римской империи приходится соблюдать в изложении известную пропорциональность. В этой связи К. К. Зельин заявил: «Сейчас я, пожалуй, не решился бы так категорически настаивать на желании расширить соответствующий раздел учебника. Принципиально, может быть, и желательно больше осветить позднюю Римскую империю — этот переходный момент от древности к Средним векам. Но все-таки тут приходится учитывать и другой момент — методический. Для студентов первого курса особенно важна история республики и переход к империи. Может быть, А. Г. Бокщанин прав тут в том смысле, что Николай Александрович с его педагогическим чутьем, очевидно, учитывал эти соображения».

А. К. Бергер, присоединяясь к мнению докладчика и выступавших до него товарищей, подчеркивает исключительную научную добросовестность, огромную эрудицию и мастерство, ясность и четкость изложения, присущие обсуждаемому учебнику, и заявляет, что «это действительно один из самых замечательных учебников не только по истории древнего Рима, но вообще из всех исторических учебников, какие существовали». Все же ему представляется, что этот огромный научный багаж, размещенный в таком сжатом — вынужденно, конечно, — пространстве, приводит в некоторых местах к перегруженности фактическим материалом, и, может быть, исходя из интересов студентов, в дальнейшем при дружной разработке учебника следовало бы эту особенность несколько сгладить.

Что же касается вопроса о Восточной Римской империи, то Николай Александрович так превосходно изложил переход к Средневековью, характеризуя IV в., что последняя короткая глава, посвященная истории V в., может быть, является просто излишней. Некоторые отдельные шероховатости, не совсем удачные слова и фразы, встречающиеся местами во втором издании учебника, легко можно исправить в дальнейших переизданиях.

И. Н. Тарюв указал, что среди всех известных ему учебников по истории Рима, да и не только Рима, обсуждаемая книга является одним из лучших компе́ндиев. Конечно, она потребует, вероятно, некоторой доработки и уточнения в дальнейших изданиях. Но совершенно бесспорно, что и в этом виде она является показателем квалифицированного и любовного труда, вложенного в нее Николаем Александровичем.

В учебнике разрешены почти все известные нам источниковедческие и историографические контroversы. Здесь поднято из забвения много новых имен, которые не были до нашего времени широко известны. Это результат большой, кропотливой работы, которую провел Николай Александрович. Из-под его пера поэтому вышел не столько учебник, сколько настольное руководство — основная книга по истории Рима не только для студентов первого курса, но и для учащихся старших курсов, специализирующихся по истории античности.

Вопрос об использовании этого руководства — дело мастерства преподавателя, которому приходится работать по данному учебнику. Квалифицированный преподаватель может отобрать из этого большого компендия нужные материалы. Эта возможность облегчается тем, что учебник написан хорошим и четким языком, разбит на главы и параграфы. Надо учесть к тому же наличие в нем ценных иллюстраций.

Одно из основных обвинений, которое было брошено Н. А. Машкину в рецензии в «Вестнике высшей школы», — это упрек в нечетком отношении к традиции. Это обвинение надо признать непервым. Н. А. Машкин принадлежал, наоборот, как раз к тому слою наших античных историков, которые довольно круто отказались от гиперкритицизма. Николай Александрович бережно относился к традиции, всегда пытался передать традиционную точку зрения и обычно оговаривался: «так говорится в источниках». Может быть, иногда следовало бы и резче выразиться по тому или иному вопросу, по отказ от гиперкритического отношения к античной традиции надо признать большим достижением обсуждаемого учебника. Конечно, из этого не следует, что со всеми положениями учебника можно полностью согласиться. Но и принципиальные и более мелкие замечания не меняют общей положительной оценки книги Н. А. Машкина.

Все же необходимо отметить одно общее положение, связанное с вопросом об актуальности истории древнего Рима. Может быть, отчасти возможность появления рецензии вроде той, которая была напечатана в «Вестнике высшей школы», объясняется тем, что Н. А. Машкин, в силу присущей ему мягкости в отношении различных взглядов, иногда не давал целеустремленной, воинствующей, жесткой точки зрения по ряду проблем истории Рима. Так, например, в Западной Европе и в Америке принято сравнивать расу Романа с расой Americana, т. е. наблюдается попытка, ссылаясь на пример Рима, будто бы благотельно воздействовавшего на окружающие племена и народы, приписывать подобную роль и современным претендентам на господство над вселенной. В связи с этим необходимо более четко показать истинное лицо римской завоевательной политики. Вот эта линия на политическое заострение учебного материала со строгим учетом данных источников, очевидно, должна быть проведена при дальнейших изданиях учебника.

Нам требуется также развенчание пресловутой легенды об извечном величии Рима и выявление того скромного положения, которое занимал Рим в условиях Средиземноморья в период выдвижения его на мировую сцену. Но все это будет являться только дополнением или известным рода уточнением тех положений, которые уже имеются в этом добротном и хорошем учебнике — книге столь полезной и нужной для каждого, кто интересуется уроками прошлого, историей древнего Рима, столь актуальной и в наши дни.

Ю. С. Крушкoл напомнила присутствующим, что ей приходилось рецензировать для Госполитиздата как раз второе издание. По ее мнению, в обсуждаемом издании наиболее выдающимся изменением, которое играет чрезвычайно большую принципиальную роль, является «Введение». «Введение» во втором издании представляет собой квинтэссенцию всего учебника. Здесь изложена краткая, но принципиальная периодизация истории Рима как этапа в развитии рабовладельческой социально-экономической формации. Она присоединяется к мнению докладчика о громадном значении, которое имеют главы по источниковедению и историографии.

Как музейный работник, Ю. С. Крушкoл отмечает стремление Николая Александровича использовать в книге материалы именно наших музеев. Отказываясь от перепечатывания монет и портретов, хранящихся в иностранных музеях или перепечатанных в других изданиях, он всегда стремился к тому, чтобы в его учебнике были показаны

памятники, хранящиеся в наших музеях. Поэтому он шел иногда даже на то, чтобы дать монету худшей сохранности, но монету из наших музеев. Никто в своих работах не использовал так полно материалы наших музеев, как покойный Н. А. Машкин. В частности и в особенности это касается нумизматического материала, который для этого издания был полностью взят из Исторического музея. Для работников Государственного исторического музея является предметом большой гордости то, что в этой замечательной работе наша молодежь будет видеть памятники, хранящиеся в наших музеях, многие из которых до сих пор даже не издавались.

Ю. С. Крушкол обращает внимание на в высшей степени любовный подход Н. А. Машкина к оформлению учебника. Он старался дать не только хорошие фотографии и рисунки, но стремился также к тому, чтобы они были хорошо поданы в книге, на хорошей бумаге, добивался высокого качества клише. Если сравнить первое и второе издание с иллюстративной точки зрения, то ясным станет, насколько лучше сделано второе издание даже в смысле технического оформления.

Опыт работы со студентами по обсуждаемому учебнику дает основание к некоторым практическим выводам. Конечно, материал в книге очень большой; но прежде всего студенты в данном случае имеют материал, легче воспринимаемый, чем раньше. Во-вторых, преподаватель, пользуясь этим учебником, может давать на лекциях лишь самое главное, предоставляя остальное для самостоятельного чтения. Студенты, занимающиеся по учебнику Н. А. Машкина, — как в стационаре, так и заочники, — были очень довольны этим учебником. Работа для них оказалась несравненно легче. Так что и с практической точки зрения можно сказать, что обсуждаемый учебник вполне справедливо заслужил большую любовь студенчества, хотя прошло еще очень мало времени со времени его выхода в свет.

Преподавателю-практику учебник оказывает чрезвычайную помощь, в особенности главами по источникам и историографии, так как до этого времени студенты были лишены какого-либо пособия. Для преподавателя, читающего курс, эти главы особенно облегчают ведение занятий, так как теперь нет необходимости так подробно останавливаться в лекциях на этих разделах; все это имеется в учебнике.

В дополнение к выступлению Ю. С. Крушкол А. Г. Бокщанин обращает внимание на помещенный на стр. 333 уникальный, впервые издаваемый снимок развалин крепости Нессы, которого нет ни в одном издании в мире. На стр. 481 помещен снимок остатков так называемого Траянова вала из Измаильской области. И, наконец, следует обратить внимание на еще одно огромное достоинство учебника — на колоссальный библиографический справочник, потребовавший кропотливой и трудоемкой работы, но зато перечисляющий все вышедшие из печати советские работы. Этот исчерпывающий справочник позволяет любому преподавателю, аспиранту, студенту получить представление о том, что имеется в отечественной литературе по тому или иному вопросу римской истории. В списке этом даю также все то, что имеется по этим вопросам лучшего и во всей мировой литературе.

Проф. С. Л. Утченко вспоминает, что ему пришлось в 1948 г., вскоре после выхода в свет первого издания курса Н. А. Машкина, выступать и потом писать рецензию на этот курс. Тогда он отмечал, что, поскольку это — учебное пособие, то испытанием этого курса явится знакомство с ним широкой студенческой аудитории. В настоящее время уже можно отметить — это, так сказать, уже решено объективным ходом событий, — что учебник Николая Александровича с честью выдержал это серьезное испытание. Фактически студенты уже третий год учатся по этому учебнику. И на основании своего собственного опыта и главным образом на основании опыта его коллег он думает, что это наиболее серьезное испытание — испытание десятками и сотнями тысяч читателей — учебник, несомненно, выдержал.

Бесспорно, что по сравнению с другими учебными пособиями по истории древнего Рима учебник Н. А. Машкина — большой шаг вперед. Если сравнить его с учебником, выпущенным в свое время С. И. Ковалевым (1937 г.), или с учебником по истории Рима В. С. Сергеева, то надо отметить, что это шаг вперед. Это говорится не в укор С. И. Ковалеву или В. С. Сергееву, но просто Николай Александрович писал позже.

За это время наука двинулась вперед, а так как в учебнике подведены итоги развития и достижения советской науки по важнейшим проблемам истории Рима, то это и делает учебник Николая Александровича действительно незаменимым пособием.

Моментом, имеющим, по мнению С. Л. Утченко, очень важное значение, является то, что книга все время совершенствовалась, и если бы не невозвратимая утрата, она несомненно совершенствовалась бы самим Николаем Александровичем. В этом плане показательны два-три примера, относящиеся ко второй главе учебника — «Историография древнего Рима». Историографический обзор в данном труде и в любом труде, где приходится иметь дело с такого рода разделом, — это вообще чрезвычайно важная и вместе с тем наиболее трудная часть работы. Н. А. Машкин совершенствовался, — если сравнить эти два издания, — в первую очередь и главным образом историографический раздел своей книги. При сравнении второго издания с первым видно, как историографический раздел становился все более и более заостренным. Многие определения, многие формулировки во втором издании гораздо более заострены, чем в первом.

Это относится, например, к определению, которое в первом издании дается концепции Эдуарда Мейера. Там сказано, что «в работах Эдуарда Мейера возводится модернизация истории в принцип», что работы Мейера служат реакционным целям, доказательству того, что капитализм является высшей ступенью человеческого развития, что гибель капитализма означает в то же время падение культуры. Дальше говорится: «Эдуарду Мейеру принадлежит ряд работ, посвященных общим проблемам истории (о происхождении плебса, о Гракхах, Помпее и Цезаре и др.)».

Во втором издании Н. А. Машкин внес существенное изменение в это определение. Совершенно правильные положения относительно реакционности концепции Эдуарда Мейера оставлены, но вместо заключения, носившего констатирующий характер, автор дает сейчас гораздо более заостренную в политическом отношении концовку: «Теория Мейера была направлена против революционной борьбы рабочего класса капиталистических стран, против учения о социализме. Polemica между Бюхером и Эд. Мейером показала, что буржуазная историография бессильна разрешить основные вопросы экономической истории древности. И тот и другой, говоря об античном хозяйстве, исходят из характеристики обмена, а не производственных отношений».

В еще более отчетливом виде та же тенденция работы Н. А. Машкина видна в характеристике Ферреро. В первом издании отмечалось, что Ферреро испытал на себе некоторое влияние Маркса. Затем говорилось, не совсем удачно, что диалектический метод остался чуждым Ферреро, тогда как Ферреро был ему явно враждебен. Вместо этого сейчас Николай Александрович дал гораздо более острую, более правильную характеристику Ферреро. Во-первых, уже не говорится о влиянии на него диалектического материализма, а правильно сказано, что «Ферреро испытал на себе некоторое влияние экономического материализма. Он говорит о росте крупного землевладения, о пролетаризации населения, о деградации высшего сословия». Затем снята прежняя неудачная формулировка о том, что диалектический метод остался ему чужд. Вместо этого шире развернута концовка раздела, посвященного Ферреро, очень заостренная в политическом отношении. Здесь говорится: «Это было апологетическим воспеванием «Великой Империи Августа», отражением агрессивных чаяний итальянского империализма, которые находили поддержку у определенных кругов мелкой буржуазии и интеллигенции».

Такие примеры можно было бы умножить. Характеристика буржуазной историографии XIX и XX вв. в целом также значительно исправлена, политически заострена. Этот наиболее сложный и наиболее ответственный в методологическом отношении раздел курса Николай Александрович все время дальше отработывал в том направлении, в каком это следует и необходимо делать.

Это не значит, что во втором издании историографический раздел уже идеален и, если бы не кончина Н. А. Машкина, он сам бы больше над ним не работал. Конечно, нет, Николай Александрович, видимо, перерабатывал бы его дальше и дальше. Вообще, когда даются такие историографические обзоры в той или иной работе, пожалуй, следовало бы отказаться от традиционного, привычного способа изложения этих обзоров

в хронологическом порядке. Гораздо более важно и правильно было бы строить историографические обзоры как-то, если можно так сказать, концепционно или по отдельным направлениям, школам. По крайней мере такой основной принцип следует положить в основу построения того или иного историографического курса. Николай Александрович вполне разделял такую точку зрения, но это вопрос сложный и, конечно, чрезвычайно трудный.

Изменения и дополнения внесены, конечно, не только в историографический раздел. Так, например, очень серьезной переделке подверглась глава 22-я, в частности шестой параграф этой главы, т. е. тот раздел курса, где речь идет о цезаризме. На стр. 354 имеется небольшой, но очень важный раздел, носящий название «Цезаризм», в котором дается принципиальное определение цезаризма. В первом издании этого раздела нет. Значительной переделке подвергся также следующий раздел — «Власть Цезаря». Тут некоторые вопросы ставятся по-новому. Наконец, раздел «Взгляд на Цезаря в новой историографии» — историографический раздел, специально посвященный проблеме цезаризма, — тоже подвергся определенному изменению. Все это говорит о том, что учебник совершенствовался и, несомненно, продолжал бы совершенствоваться автором и дальше.

В заключение С. Л. Утченко коротко останавливается и на печальном событии — появлении в «Вестнике высшей школы» совершенно некачественной рецензии на учебник Николая Александровича. Нет смысла останавливаться подробно на всех высказываниях М. Н. Перегудова, тем более, что большинство его замечаний может вызвать только улыбку у человека, мало-мальски знакомого с историей Рима. Но должно быть отмечено то, что может произвести некоторое впечатление на людей неискушенных или недостаточно знающих материал, — это то, что автор рецензии пытается, так сказать, рядиться в тогу непогрешимого марксиста. Ведь сама статья написана по поводу вопросов исторического материализма в учебниках истории. Но тут, конечно, ничего у него не выходит. Наоборот, к М. Н. Перегудову очень подходит то определение, которое дал товарищ Сталин по отношению к некоторым лицам, когда говорил о чачетчиках и талмудистах.

С. Л. Утченко иллюстрирует свою мысль следующим примером. М. Н. Перегудов утверждает, что борьба между патрициями и плебеями должна рассматриваться как борьба между антагонистическими классами. Полемизировать с ним нет смысла, потому что каждый из присутствующих понимает неправильность этого утверждения. Однако Перегудов не просто высказывает от себя эту мысль, а утверждает: «как известно из марксистской литературы, патриции и плебеи рассматриваются как антагонистические классы». Значит, Перегудов хочет сослаться на авторитет классиков марксизма-ленинизма. Вот в этом-то он и выступает как чачетчик, потому что совершенно ясно, что он имеет в виду. Единственное, на что он может сослаться, это то известное место из «Коммунистического манифеста», где сказано: «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье...», и дальше идет речь о вечном антагонизме и вечной борьбе. Если признать патрициев и плебеев двумя антагонистическими классами, мы должны признать, очевидно, мастеров и подмастерьев также двумя антагонистическими классами.

Даже само расположение — эта антитеза, которая приводится у Маркса, — говорит о том, что здесь имеются в виду не только антагонистические классы, но и прослойки внутри господствующих классов, между которыми шла определенная борьба. Таким образом, Маркс подчеркивает не только борьбу между основными антагонистическими классами, но и борьбу внутри классов. И это совершенно ясно, если вспомнить известное всем высказывание относительно того, что в древнем Риме рабы были только пассивным пьедесталом, на котором развертывалась классовая борьба. Если бы М. Н. Перегудов дал себе труд вздуматься в это, а не хватался бы только за букву, за внешний вид этой цитаты, то, конечно, он бы тогда не высказал такого неправильного утверждения. Во всяком случае бесспорно, что всякий, кто мало-мальски даст себе труд серьезно ознакомиться с курсом Н. А. Машкина, поймет, насколько несущественны те обвинения, которые выдвинуты против его учебника.

О. В. Кудрявцев остановился прежде всего на той большой работе, которую автору пришлось провести для того, чтобы создать первые главы учебника. В связи с этим он вспоминает о своем знакомстве с рукописью Николая Александровича об источниках и историографии древнего Рима в те годы, когда еще учился в университете. Рукопись эта предназначалась первоначально для «Всемирной истории». Этот труд Н. А. Машкина представлял собой в несколько меньших размерах такое же введение в римскую историю, какое дал В. П. Бузескул в своей известной работе «Введение в историю Греции». Рукопись эта представляла собой в значительной мере оригинальную исследовательскую работу, поскольку очень многие вопросы, особенно по истории русской историографии, были еще совсем не разработаны. Так, например, можно сказать, что Николай Александрович открыл такого исследователя, как Д. Л. Крюков. О нем немногие слышали, — Николай Александрович обратил на него внимание и читал о нем специальный доклад; он упомянул также о Крюкове в первом издании учебника, в связи с вопросом о патрициях и плебсах, и затем внес сведения о нем в основную историографическую главу.

Что касается этих двух глав, то нужно заметить, особенно в связи с появившейся недавно довольно странной рецензией об учебнике Николая Александровича, в которой говорится, что Н. А. Машкин выступает как последователь гиперкритицизма, что это обвинение совершенно не обосновано. Гиперкритицизм — течение, которое было весьма распространено в западноевропейской буржуазной науке и которое оказало известное влияние на русскую науку начала XX в., — конечно, ни в какой мере не допустим в науке советской, в науке марксистской, поскольку он означает отказ от познания наиболее ранних периодов истории Греции и Рима. Николай Александрович, как известно, выступает в своей работе последовательным противником гиперкритицизма.

Затем О. В. Кудрявцев остановился на стремлении Николая Александровича связать историю Рима с историей окружающих его обществ. Об этом говорится отчасти во «Введении» к учебнику. Кроме того, имеются отделы, специально посвященные древней Галлии, Карфагену, Парфии и древней Италии. В частности, необходимо отметить, что разделы, посвященные Карфагену и древней Италии, были значительно расширены в настоящем издании, причем в основу раздела, посвященного Карфагену, легло собственное исследование Николая Александровича, появившееся на страницах «Вестника древней истории». Вопросом о древней Италии Н. А. Машкин особенно интересовался в последние годы и неоднократно говорил о том, что ему удалось выяснить в этой области на основании изучения источников и литературы.

Последующую часть своего выступления О. В. Кудрявцев посвятил анализу места, которое учебник Николая Александровича занимает в занятиях со студентами-заочниками, отчасти потому, что ему самому приходилось заниматься с заочниками, а отчасти потому, что именно в работе с заочниками учебник играет гораздо большую роль, нежели при работе с обычными студентами, которые имеют возможность слушать развернутый курс лекций и готовиться по нему. Заочник же должен изучать учебник, причем изучать совершенно самостоятельно. Следует сказать, что результат работы по учебнику Н. А. Машкина очень благоприятен, несмотря на то, что учебник, конечно, велик и материал очень сложен. Надо отметить также большую пользу, которую учебник приносит студентам в их контрольных работах, которые они обязаны вести по источникам. Для тем по Римской истории учебник дает студентам правильное направление в работе.

О. В. Кудрявцев полагает, что все-таки необходимо немного расширить отдел, посвященный поздней империи. Кроме того, следует дать в конце учебника подробное описание иллюстраций, так же как это было сделано в книге В. С. Сергеева. Во-первых, интересно и часто нужно знать, в каких музеях находится та или иная скульптура, та или иная монета, изображение которой дано в учебнике. Во-вторых, студенты часто просто не видят, что можно прочесть на рисунке и что видит специалист. Такое дополнение дать вполне можно, и оно будет очень ценным, тем более, что, как уже указывалось, в учебнике привлечены местами уникальный иллюстративный материал.

В. Н. Дьяков вспоминает, что он познакомился в рукописи с трудом Николая Александровича, когда труд этот только был назначен к изданию. Результатом знакомства была его рецензия на этот учебник. Тогда он имел возможность убедиться, насколько Николай Александрович был чуток ко всякого рода высказываниям своих товарищей, если они выступали без злобы и предлагали такие вещи, над которыми следует задуматься. Но не стоит и говорить о тех выпадах, которые недавно, вероятно, по ошибке, были напечатаны в «Вестнике высшей школы».

В. Н. Дьяков писал тогда в своем отзыве, что книга Н. А. Машкина — руководство, а не учебник. Но это было время после войны — издательские возможности были очень сокращены, и Госполитиздат издавал только одни учебники. Поэтому книга Николая Александровича была издана в качестве учебника.

В самом деле, можно ли сказать, что перед нами учебник, хотя бы для университета? Учебник всегда представляет собой известный компендий, по которому студенты могут закреплять те сведения, которые они получают на лекциях, на специальных семинарах и т. д., и представить себе общую линию развития какой-нибудь страны, какого-нибудь периода. Учебник всегда должен стремиться к тому, чтобы иметь минимальное количество материала, нужное безусловно, но минимальное количество сведений. С этой точки зрения Николай Александрович, как напоминает В. Н. Дьяков, вполне соглашался, что книга его, не представляет собою учебника в полном смысле слова, а скорее является большим пособием, над которым студенты могут поработать, углубляя свои знания, и затем применять их в своей деятельности.

С тех пор появилось второе, более подробное издание, которое оказалось еще лучше, но вопрос, который обсуждался тогда с Николаем Александровичем, открыт и попытке. В. Н. Дьяков склонен думать, что это, конечно, не учебник. Вместе с тем это и не курс лекций, ибо курс лекций должен соответствовать тому времени, которое отводится на него. Всем известно, что на курс по истории Рима отводится 48 часов. А ведь совершенно немислимо прочесть такую массу материала в 48 часов. Лекционный курс и в подходе своем совсем иной. Он дает определенные обобщения, останавливается на известных дискуссионных положениях и часто перебрасывается через большие периоды для того, чтобы всесторонне осветить какую-нибудь основную мысль.

Таким образом, в сущности говоря, это не курс. Книга Н. А. Машкина — действительно очень крупная, большая научная работа — научная работа, которая представляет собою основную книгу по истории Рима на русском языке, которая может быть использована и студентами, и аспирантами, и преподавателями, и широкой публикой, занимающейся самообразованием. Это есть история Рима, построенная по последним данным нашей советской науки. Этому не следует замалчивать. Создан большой научный труд обобщающего характера, дающий общий взгляд на историю Рима, вовсе не приравниваясь к каким-либо часам или курсу. Это история Рима для всякого интересующегося этим вопросом человека и даже специалиста. И поэтому тут можно найти то, чего обычно нельзя найти в учебнике: научные новости в полном смысле слова, большой научный вклад, вложенный Николаем Александровичем.

Кроме указанного Ю. С. Крушкoл замечательного использования Николаем Александровичем впервые публикуемых наших музейных материалов и указания А. Г. Бокшанина на помещение в иллюстративной части нигде не опубликованных фотографий, следует сказать, что в самом тексте есть целый ряд моментов, которые представляют собой определенный вклад в науку. Это относится к тому, что Николай Александрович развивает в своей книге о принципе, — по вопросу о движении рабов в 50-х—40-х годах, о той роли, которую это движение рабов сыграло в процессе образования Римской империи. Ведь это целое открытие! Или, например, роль Публия Клодия, которого обычно изображали сателлитом Цезаря, подкупленным агентом. На самом деле, как показал Николай Александрович, это человек, который проводит свою собственную программу, хотя, может быть, иногда его политическая линия перекрещивается с желаниями и целями того или иного деятеля первого триумvirата. Открытий тут много и в области историографии и в области источниковедения и т. д. Именно это значительно поднимает книгу Н. А. Машкина над всяким другим учебником.

Перед нами полезная, чрезвычайно полезная книга, что признается всеми, кроме автора упомянутой статьи, о которой не стоит говорить, книга, написанная вполне в духе нашей марксистско-ленинской идеологии,— Николай Александрович был убежденным и вполне знающим марксистом и ленинцем. Эта книга, конечно, должна и дальше служить основным, ведущим произведением, основным научным трудом, на который могут ориентироваться всякие другие курсы, всякие другие учебники, всякие другие учебные пособия в этой области.

Недостатком книги является крайняя сжатость отдела поздней империи, и не следует отказываться, если будет возможность, как-нибудь в дальнейшем пополнить этот отдел, не стесняясь тем, что книга будет еще больше разрастаться в своем объеме. И в последующем, пусть даже придется еще дальше отходить от принципа учебника, пополнить ее необходимо. Вполне правильно сказал А. Г. Бокциани, что в данном случае друзья Николая Александровича должны подражать ему в том, что он сделал по отношению к другому, также нами горько оплакиваемому нашему товарищу В. С. Сергееву. Ведь он переделал его учебник по истории Греции. Этот завет Николая Александровича действительно нужно всемерно продолжать. Ведь он имел в своем распоряжении только один год для переработки первого своего издания и все же, выслушав первые замечания, сразу внес свои поправки. И поэтому, хотя, конечно, можно найти и ряд шероховатостей, и ряд неточностей, может быть, ряд некоторых неправильностей в обсуждаемой книге, но дело вовсе не в том, что Николай Александрович нарушил принципы марксистско-ленинского учения, наши марксистско-ленинские установки, а только в том, что иногда имеются в некоторых случаях недочеты. Например, и в первом и во втором изданиях Аполлон Веспетийский (стр. 95) фигурирует как статуя I в. до н. э. Какой же это I в.? Это, по крайней мере, начало V в. Выборы Цицерона в консулы отнесены к 65 г. (стр. 315), а консульство его к 64 г.

Дефекты в книге, конечно, есть, и товарищам надлежит работать над ее усовершенствованием. Есть также целый ряд моментов, требующих даже некоторой проработки дискуссионного характера, потому что Николаю Александровичу пришлось решать в первый раз целый ряд важнейших вопросов, которые задевают самые важные, самые основные проблемы римской истории.

Ю. С. Крушкoл остановилась на «Введении». Совершенно верно, в этом новом издании прибавилось прекрасное «Введение», которое дает общий prospect римской истории, дает периодизацию. Оно показывает вместе с тем, что автор ставит римскую историю в рамки истории всего Средиземноморья. В то же время на этих пяти страницах можно найти некоторые места, которые нужно будет еще обдумать, проверить дискуссионным образом. Вот, например, в периодизации Николая Александровича римская история делится на эпохи. Может быть, лучше было бы сказать — «периоды»? Но важно не это. В книге указывается: ранняя эпоха, Рим в царскую эпоху, «процесс разложения первобытно-общинного строя и образование государства» (стр. 4). Эта эпоха называется царской. А несколькими строками дальше написано: «эпоха ранней республики (конец VI в.— 60-е гг. III в.) характеризуется становлением рабовладельческого способа производства». Таким образом, оказывается, что государство возникает раньше, чем возникает рабовладельческий способ производства. Государство возникает в царское время, а рабовладельческий способ производства возникает, устанавливается только в республиканскую эпоху. Государство возникает раньше, чем римское общество становится классовым. Это очень сложный вопрос. Николай Александрович написал это так, как можно было написать, не нарушая традиции, но это вопрос, с которым связан целый ряд сомнений, вопрос о так называемой революции Сервия Туллия и т. д. Эту проблему придется известным образом продискутировать, установить общие взгляды и помочь выправить этот момент. Он очень важен. Несмотря на совершенно правильную общую методологическую установку Николая Александровича, подчеркивание классовой борьбы и т. д., такие формулировки вызывают сомнение.

На стр. 5 говорится: «эпоха ранней империи продолжается с начала 20-х гг. I в. до последнего десятилетия III в. н. э. Политический строй Рима в эту эпоху принято называть принципатом». Спрашивается: где принято? Кем принято? Обыкновенно время

Северов не называют принципатом, а, пожалуй, и время Адриана тоже. Принципат римский относится лишь к I в. А если говорить о времени Максимиана и солдатских императоров III в., то это ведь не принципат. Обычно в историографии, в литературе наблюдается такое деление: период принципата, период абсолютизма, а дальше — период домината Диоклетиана. Период абсолютизма в учебнике Н. А. Машкина пропадает, и принципат распространяется на весь III в., что, конечно, более чем спорно.

Дальше в учебнике написано: «В результате реформ Диоклетиана и Константина произошло усиление власти императоров, являющихся в это время неограниченными правителями» (стр. 6). Но здесь не только «усиление власти», а совершенно другой ее принцип! Это доминат, это деспотия восточного типа. Об этом правильнее написано в тексте на стр. 591.

В. Н. Дьяков указывает, что он привел эти примеры не для того, чтобы дискредитировать книгу Николая Александровича. Книга лучше, чем можно было ожидать. Наша литература не имеет другой подобной книги, но все же она требует дальнейшей работы, и Николай Александрович эту работу, конечно, сделал бы. В том-то и заключается вся глубина нашей утраты, что жизнь Николая Александровича оборвалась на такой ранней ступени. Он так много мог бы дать нам еще. Это показал год его работы между первым и вторым изданием его книги.

В. Н. Дьяков в заключение своего выступления предлагает дать стенограмму обсуждения для использования ее в «Вестнике древней истории» и призывает всех присутствующих продолжить работу Николая Александровича, сделав в память его все то, что он сам сделал в память В. С. Сергеева.

В своем заключительном слове О. И. Севастьянова вспоминает, что Николай Александрович в частных беседах с нею указывал на целый ряд своих планов и намерений относительно дальнейшего улучшения учебника. Вот почему правильно ставился вопрос о том, что его ближайшим товарищам, коллективу древних историков, придется поработать над этим учебником в его последующем издании. Она подчеркивает, что такая объемистая и включающая целый ряд чисто научных вопросов «Истории древнего Рима» все же продолжает оставаться учебником. По этому учебнику учатся студенты. И не вполне справедливы указания А. К. Бергера и В. Н. Дьякова на то, что этот учебник чересчур велик. Ведь и наши требования к студентам теперь с каждым годом все возрастают и возрастают. И партия и правительство постоянно говорят о том, что требования, которые предъявляются к студентам, должны повышаться. Вот почему растет и учебный материал и количество проблем, а следовательно, и размеры учебника, необходимые в соответствии с этими повышенными требованиями.

Что касается замечания В. Н. Дьякова относительно «Введения», то, по мнению докладчика, автор совершенно правильно проводит деление истории Римской империи на два периода: принципат и доминат. Для каждой ступени развития характерны свои социально-экономические отношения, которые и отражаются в существующей в такие эпохи политической идеологии. Громадное значение здесь играет классовая борьба и социальные движения. В частности, нет никакого основания выделять эпоху Антонинов в особый период и называть его каким-то особым термином. В сущности, здесь нет таких особенностей, которые отличали бы этот строй общественной жизни и заставляли бы выделить эту эпоху в специальный период под названием «абсолютизма».

Собравшиеся приняли резолюцию, в которой высказали свое положительное мнение о высоком уровне обсуждаемого учебника, указали на его методологическую выдержанность и высокое качество научного изложения и констатировали желательность дальнейшего переиздания этого в высшей степени ценного и нужного учебника с соответствующей редакционной обработкой последующих изданий. Собрание отметило в высшей степени печальный факт помещения некачественной рецензии М. Н. Перегудова в «Вестнике высшей школы», высказав сожаление, что эта рецензия появилась в печати и может ввести в заблуждение отдельных, недостаточно знакомых с книгой и историей древнего Рима читателей.